

Евгений Куманьков

Мой Арбат

Я очень люблю Арбат. Всякий раз, когда судьба сводит меня с этим уникальным явлением, или просто, когда я слышу такие слова, как Арбат – арбатское, или когда читаю посвященные им вдохновенные строки лучших представителей рода человеческого, такие например, как Л.Н.Толстого, обращенные к любимому им Староконюшенному или Пречистенскому, – во мне возникает теплое чувство, которое иначе, как благовейным (не стыжусь этого слова) не назовешь.

Было такое.

По окончании института в условиях отчаянного жилищного кризиса мне пришлось жить в очень скверных условиях: в комнатке-чулане над кухней огромной коммунальной квартиры, некогда принадлежавшей какому-то одинокому богачу. Когда у меня выдавалось свободное от многочисленных забот время, я шел от своих Петровских линий к Петровским воротам, садился на трамвай «А» – знаменитую «Аннушку» – и ехал на Арбат. Сколько позволяло время, я бродил по его переулкам, тихим, уютным, сосредоточенным. Любовался его очаровательными домиками, их частностями, их двориками, которые еще существовали, их тишиной.

И вспоминались строки:

*Не знаю решена ль
Загадка зги загробной,
Но жизнь, как тишина,
Осенняя подробна.*

Особенно меня привлекали циркульные окна некоторых мезонинов, за которыми таинственно светились настольные лампы.

А когда изредка возникали мечты о нормальной жизни, то они виделись мне в виде большой комнаты с низким потолком, обязательно с циркульным окном и светом настольной лампы.

Циркульное окно оказалось для меня своеобразным символом, и я впоследствии нередко использовал эту тему в своих декорациях для фильмов и спектаклей.

Прожиты долгие годы. Изменялась Москва, изменялся я, но так или иначе я не расставался с Москвою и жил ее жизнью и посвящал ей свой труд. В последнее время, когда отпали все прочие заботы и обязательства, наш город стал моей единственной заботой.

Помню, пришло лето 1971 года. На семью обрушилась беда. Рухнули все планы. Было не до работы. «Знаешь, – сказала мне жена, – я знаю, родной, ты маешься. Что делать, иди рисовать свою любимую Москву». Я отказался. Но время шло, и однажды вспомнил ... Я вспомнил, как радовался всякий раз, проходя по Староконюшенному, при виде одного, незамысловатого на первый взгляд мотива: маленький одноэтажный дом с мезонином, прилепившийся к брандмауэру, не дом – произведение искусства. Пять окон, разделенных кружевной выпилки пилястрами. Глухая филенчатая дверь, укрытая козырьком на металлических кронштейнах. Глухой забор. За забором – высоченные могучие тополя с грачиными гнездами и брандмауэр соседнего высокого дома с затейливыми сложного рисунка арками.

Как у Бориса Пастернака:

*Где, как обугленные груши
С деревьев тысячи грачей
Сорвутся в лужи и обрушат
Сухую грусть на дно очей.*

Я вспомнил этот давно засевавший в душе мотив и отправился...

Бывает так: живешь и живешь, поглощенный своими заботами, в полной уверенности, что у тебя есть старинный, прочный и надежный друг. Видишься с ним нечасто, да вовсе не видишься, но сознание, что он есть, вызывает чувство прочности и надежности. Это ничего, думаешь ты, что живет друг своей несообщающейся с твоей жизнью, а ты – своей. Это пустяк. В тебе живет прочно утвердившаяся убежденность в том, что если придет нужда или просто стоит захотеть, – ты можешь отправиться к дверям, за которыми живет близкий тебе человек и поделиться с ним своими болями и горестями.

Этот час приходит, ты спешишь к заветной двери. Очень спешишь. Ты подбегаешь и узнаешь, что твоего друга нет. Он умер...

Когда, в тот далекий день, я добрался до Староконюшенного, – то увидел пустырь, огороженный строительным забором, за которым самоуправствовала красная стрела экскаватора. Брандмауэру с арками и тополям с грачиными гнездами оставалось жить всего ничего...

Есть такое понятие – интонация, – к которому обращаются нечасто, порою просто пренебрегают им. А при решении проблем реконструкции Москвы – забыли совсем. В результате столица наша нацело потеряла свою веками сложившуюся интонацию.

Никто из переустроителей Москвы уже тогда, давным-давно, об интонации даже не вспомнил. В результате город потерял свое лицо. Потерь, к великому сожалению, не минул и Арбат. Домики с «ликом породы», по выражению Марины Цветаевой, летели, как щепки из под топора лихого лесоруба.

Проблема новое-старое не нова (простите за тавтологию). Она вечна и бесконечна: что-то рождается, что-то неизбежно должно уходить. Вся проблема лишь в том, как это происходит.

Вспоминается: Рахманинов, узнав, что при погроме его любимой усадьбы крестьяне (для которых он сделал много доброго), – топорами изрубили два рояля, остававшиеся в доме, – сказал с болью:

– Но рояли-то зачем?

Так и хочется повторить «рояли-то зачем?», зачем было зверски уничтожать беззащитные арбатские домики – тихие, уютные, сосредоточенные. Откуда такая безудержная страсть – рушить?! Все чаще и чаще я себе задаю этот наивный вопрос, когда вижу на экране телевизора старую хронику: множество тех тяжелых бесчинств. Вижу летящие на землю купола и кресты Храма Спасителя, вытаптываемые ногами бесценные иконы и их искуснейшие оклады... Зачем?!

Каждую московскую потерю я воспринимал и воспринимаю как глубоко личную боль.

Многое запомнилось. Отлично помню, как бродил с альбомом по остаткам Собачьей площадки и ее окрестностей, пытаюсь найти

хотя бы какие-то остатки былого. Помню уцелевший среди обломков изящный ампирный домик. Его пощадили по той причине, что там некогда жила семья Ульяновых. Решили передвинуть. Оказалось – невозможно. Решили сделать копию-новодел. Не сделали.

Теперь на его месте, как попытка скрыть следы преступления, утвердились небрежно декоративные обрубки домов Большой Молчановки, ставшие фрагментом Нового Арбата.

И рождается боль.

Не надо думать, что я противник нового, вообще. Напротив, я приветствую многое из приходящего. Я приветствую, несомненно обогатившие облик Парижа, Эйфелеву башню и более позднее, Центр Помпиду на улиц Бобур, и кварталы Дефанс. Мне нравится музей Гуттенхайма в Бильбао, мне нравятся небоскребы Арабских Эмиратов. Да, да, мне нравится талантливый московский проект «Апельсин». Меня радуют намерения московских властей воздвигнуть его взамен нынешнего тупого кирпича ЦДХ. Я считаю, что высотка МИДа на Смоленской существенно обогатила Денежный переулок и Сивцев Вражек, а также многие перспективы других переулков Арбата.

Я просто всегда радуюсь красоте, как таковой, люблю ее вне зависимости от возраста. Люблю города, особенно их красоту и гармонию, я люблю их особо и они – одна из самых больших радостей в моей жизни. Минуты, часы месяцы, годы проведенные на их улицах – прохладными ранними утрами и в сумерках и знойными днями. А прогулки с альбомом по запорошенным снегом московскими переулком, в тишине и городской суете, – лучшие минуты моей жизни.

Но к Арбату у меня пристрастие особое. Арбат моя особая благодарственная радость.

Позволю себе вернуться к одной из самых волнующих сегодня проблем – отношение нового к старому.

Я никогда не мог понять тех, кто вольно или невольно противопоставлял эти понятия или рассматривал их как нечто враждебное друг другу. Нелепо! – всегда думал я. Новое – старое, уходящее – приходящее, рождение – умирание, – явления

совершенно естественные. Мало того, они нечто единое, они и есть содержание жизни.

Все дело лишь в том, как новое относится к старому. Если относиться с уважением, не унижая и не оскорбляя его, оно просто не может быть плохим. Оно своим рождением и утверждением, не только исключает, но и умножает накопленные веками ценности. Но важно, повторюсь, к старому относиться с уважением, а не как к надоевшему старью.

Город становится краше. Но если новое рождается за счет уничтожения прекрасного старого, то это уже беда. Хамство, если говорить, попросту. Прежде чем задумывать новое и утверждать его, – надо найти ему свободное место. И только так!

Вопрос: почему надо, как правило, всегда, «вместо», а не «вместе» – не исчез и не собирается исчезать. Он, этот горький вопрос, сегодня актуален, как никогда.

Кто-то придумал удобную ширму, так называемую комиссию по сносу. Эта комиссия призвана определять, какой дом – памятник, какой – нет, и не заслуживший почетного звания – обречен на снос. Вот так и летели кварталы арбатских переулков, потому что в них не было «памятников». А ведь известно: главная задача архитектора – организация пространства.

По большому счету на Монмартре нет ни одного сооружения, включая знаменитую церковь Сакре Кёр, отмеченного как шедевр архитектуры, а вместе с тем, сообща они образуют удивительную по обаянию достопримечательность, к которой устремляются туристы всего мира.

Прошло много лет. Изменилась Москва. Изменился я. И живу я не в чулане, а в хорошей квартире, в хорошем доме, в хорошем районе неподалеку от Арбата. Но по его любимым переулкам уже не гуляю, вернее гуляю мысленно по страницам своих многочисленных альбомов. По мере возможности стараюсь продолжить бескрайнюю серию московских пейзажей. Хотя давно не мечтаю о мезонине с циркульным окном.

Я с радостью наблюдаю за усилиями новых властей Арбата возродить духовную жизнь знакового района. Хочу верить, они с тем же рвением и умением займутся восстановлением бывшего престижа

и его внешнего облика. Трогательной давней Красоты. Думаю, это реально, это возможно.

Но ныне, прежде всего, надо добиться запрета любых сносов старых строений.

Прекрасно понимаю, что это не так просто. Былую статью того, что было на месте Нового Арбата, (который ходит в народе под кличкой «вставная челюсть»), – не вернуть, но убрать шестнадцатиэтажные башни, натканные по Арбату повсеместно, – осуществимо. Это дорого и требует времени, но вполне возможно. Снос этих уродов повлечет за собой необходимость воздвигнуть на их месте нечто, украшающее архитектурный облик арбатских переулков, и поддерживающих их интонацию. Я понимаю, что мое пожелание многим покажется несвоевременным, наивным и даже прожектерским. Впрочем, почему нет? Почему нельзя? Если на наших глазах совсем недавно были энергично убраны с московской земли гостиницы «Националь» и «Россия».

Мне кажется, Арбат, несмотря на то, что он не имеет таких возможностей обзора городских далей, какие есть у Монмартра, – в чем-то все-таки явно схож с последним, и, мне думается, он был бы вправе стать его побратимом.

Убежден: духовное сходство очевидно.

Геростраты от архитектуры однако не сдаются и озабочены другим: разрабатывают планы перестройки недавно воздвигнутой пресловутой «вставной челюсти» в пешеходную зону, и продолжают крушить: срубили большой район «не памятников архитектуры» на углу Сивцева Вражка и Калошина переулков, изуродовали угол Арбата и Арбатской площади... Есть опасность, что этим варварский аппетит не удовлетворится...

И снова становится невесело

Более того, – нападает отчаянье...

Спасет лишь вера. Вера в хорошо известные слова великого интуита Достоевского: «Красота спасет мир». Сегодня их пытаются часто перетолковать, переосмыслить, даже отринуть, но сила этих слов слишком велика.

Для меня маленький хрупкий зеленый росток, пробивающийся сквозь толщу, задавившую его, – символ веры. Я хочу верить.

Вера, как известно, не предполагает доказательствовать, да их и не может быть.

Росток не может погибнуть. Задавленный, он прорастает рядом. Задавленный вторично, он снова потянется к солнцу. Уничтоженный совсем он обернется семечком, которое унесет ветер.

Он прорастет в новом месте и снова потянется к солнцу.

Жизнь беспредельна.

Великий классик об этом сказал, конечно, лучше. Помните, как начинается роман «Воскресение»?

Что же касается Арбата, то недавно мне довелось слышать песню знаменитого барда о старых вещах. Там оказались слова, обрадовавшие меня:

Они (то есть старые вещи)

Нам не нужны,

Но мы нужны им...

Лучше не скажешь.

На том и закончу.

Москва, 2008